

УДК-2(476)

В.В.ТАБУНОВ

Республика Беларусь, Могилев, УО «МГУ им. А.А.Кулешова»

**О ПОПЫТКЕ ВВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В
КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В 1905 Г.
(НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Одной из магистральных задач, стоящих перед царским правительством на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв., была борьба за доминирование в крае с польским влиянием. В этой борьбе Петербург был готов использовать различные средства. Одним из таковых являлась попытка введения «местного наречия» в католическое богослужение. Такая попытка была предпринята в 1905 году, хотя предложения об удалении польского языка из католической церкви звучали еще раньше.

Вот что писали по этому поводу в «Вестнике Западной России» - антипольском и антикатолическом органе, редактором которого был К.Говорский, критикуя сторонников сохранения позиций польского языка в костеле: «... в р.-к. богослужении этого края должен быть сохранен польский язык на том основании, будто некоторые выражения католической церкви не переводились на русский язык или что они элоганят его... если вы уверяете, что западный край – край русский,

населенный нашими сјоте-чественниками и оспариваемый у нас Польшей, то какое же имеее вы право или какое разумное основание насильно навязывать русскому населению его в деле религии именно тот язык, который служит представлением враждебного России начала?» [1, 231-231]. Как видно, автор был недоволен действиями правительства и выступал за введение русского языка в католическое богослужение, «а если бы невозможно было почему-нибудь ввести русский, вводите китайский, татарский, только не польский» [2, 231]. «...Налагая запрет на русский язык, заставляя р.-к. церковь употреблять исключительно польский язык на местах, где прежде всего стояло польское государство, правительство тем самым возводило этот язык в обязательный политический принцип... и в то же время вынуждало допущенную им церковь служить органом национальности, которая в России не может быть ничем иным как революционным началом...» [3, 235].

К началу 20 века относятся попытки введения в римско-католическое богослужение белорусского языка. В предложении Министерства внутренних дел департамента духовных дел иностранных исповеданий от 22 июня 1905 года за № 3581 говорилось следующее: «Высочайше утвержденным 13 день минувшего мая особым журналом Комитета министров по вопросу о необходимости принятия мер против пропаганды полонизма постановлено, что осуществление мысли о допущении местных языков в дополнительное р.-к. богослужение, при признании оной заслуживающей одобрения, должно принадлежать инициативе МВД [4, 1]. Документ содержит просьбу о сообщении «в какой мере, по местным условиям признается желательным и возможным введение в р.-к. богослужение местных наречий в целях разобшения католицизма от полонизма, насколько означенная мера совпадает с желанием самого населения и в каких именно приходах вверенной Вам губернии (эта просьба адресовалась губернаторам – Т.В.), в соответствии с племенным составом оных, применение сей меры признавалось бы целесообразным» [4, 1]. Обязанность по сбору сведений о перспективе введения местного (белорусского – Т.В.) языка в р.-к. богослужения возлагалась губернаторами на полицмейстеров и уездных исправников [4, 3]. К сей мероприятию подключилось и духовенство. Так, епископ Минский Туровский сообщал Минскому губернатору 30 сентяб-ря 1905 года: «Христианское население Минской губернии, за исключением нескольких тысяч лютеран-немцев, по племенному составу своему, распадается на две группы – на белорусов и малороссов, говорящих на природных своих наречиях, из коих первая из названных групп населения занимает уезд Минский, Бобруйский, Новогрудский, Слуцкий, Игуменский и Борисовский, а вторая – Пинский, Мозырский и Речицкий, то Минское Епархиальное начальство признает желательным введение допос-

нительного католического богослужения на местных народных наречиях, в целях разобщения католицизма от полонизма, в костелах Минского, Бобруйского, Новогрудского, Слуцкого, игуменского и Борисовского уездов, допустить на белорусском наречии, а в Пинском, Мозырском и Речицком – на малороссийском» [4,20-20 об.]. Польскому языку и населению давалась следующая характеристика: «Что же касается польского языка, то на нем говорят лишь католики – горожане, которые, по племенному своему составу, хотя и принадлежат к той или другой группе жителей губернии, но вследствие стремления к полонизму, внушаемом ксендзами, умышленно чуждаются родного своего говора, а равно и русского языка, коли... в потребных случаях владеют вполне удовлетворительно, как языком фигуральным и общеупотребительным в сношениях» [4, 20-20 об.]. Автор пришел к выводу о том, что «в городских костелах целесообразно было бы установить дополнительные богослужения на русском языке...». Полицейстеры и исправники предоставили следующую информацию о возможности введения местных наречий в римско-католическое бого-служение: «В г. Минске в виду того, что католическое население г. Минска большею частью средний и рабочий класс, говорящий на белорусском языке, то желательно и введение в богослужение того же языка. В г. Пинске $\frac{3}{4}$ прихожан Пинского костела говорят по-белорусски, почему желательно и целесообразно введение белорусского языка. В г. Бобруйске... в местном костеле могло бы быть допущено богослужение на белорусском языке, т.к. население исповедующие р.-к. религию, за исключением помещиков и бывшей шляхты, говорит по-белорусски. В Бобруйском уезде... в приходах Хоромецком, Глуском и Свислочском преобладающее число католиков говорит на белорусском языке, почему было бы желательно ввести богослужение на этом языке. В Речицком уезде... ввиду преобладающего элемента белорусов над местными поляками, желательно введение в дополнительное богослужение белорусского наречия. В Минском уезде... у большинства католиков, населяющих Минский уезд, общеупотребительный язык – белорусский, ввиду его желательно введение этого наречия в р.-к. богослужения. В Пинском уезде... в районе Любешовского прихода католики говорят по-польски и богослужение там следовало бы оставить на этом языке, в других костелах и приходах – на белорусском. В Борисовском уезде... в Зембиском, Логойском, Околовичском, Дедиловичском, Коршанском и Холопеничском приходах, где католическое население составляют исключительно крестьяне-белорусы – желательно введение белорусского наречия, в Борисовском и Докшицком приходах – польского, т.к. здесь разговорным языком является польский. В Слуцком уезде... в костелах гг. Слуцка и Несвижа желательно введение польского языка, т.к. тамошние католики говорят почти исключительно по-польски, в

уездах следовало ввести белорусский язык, но т.к. эта мера может быть враждебно воспринята, то было бы целесообразнее оставить и так польский язык. Мозырский, Игуменский и Новогрудский исправники высказались за нежелательность введения каких-либо местных наречий, находя такую меру не соответствующей желаниям населения. Бобруский полицмейстер и Бобруйский, Пинский и Минский исправники высказались за возможность и даже желательность введения белорусского наречия, но затруднительно сказать, насколько эта мера, ввиду могущего быть противодействия как со стороны духовенства, так и самого населения, окажется осуществимой» [4, 21]. Итог сообщениям с мест был подведен Минским губернатором, который пришел к выводам о том, что: «1) Исходя из того совершенно определенного факта, что население Минской губернии есть коренное русское, богослужение на местных наречиях является само по себе весьма желательным, но при том фанатизме ксендзов, которые пользуются каждым удобным случаем для пропаганды полонизма, вряд ли эта мера приведет в этом смысле к каким-либо результатам, т.к. прививать польские идеи можно на каком угодно наречии. 2) Класс католического духовенства, действующий заодно с польским дворянством и шляхтою и имея в своих руках громадную материальную власть является корнем польской пропаганды и до тех пор пока не будут изысканы средства к обузданию ксендзов или... не будут введены вновь же ограничения, правда очень стеснительные, но вызванные необходимостью,... польская пропаганда не прекратится и русское население, постепенно ополяченное, утратит навсегда свою Национальность. 3) Переходя к указанию тех мероприятий, которые могли бы хотя несколько ослабить безусловно вредное влияние ксендзов, я со своей стороны нахожу желательным назначение в этот край настоятелей костелов лиц, не польского происхождения и если бы таковых оказалось ограниченное число, то... исключительно благонадежных ксендзов, прослуживших определенное количество лет в русских губерниях и чуждых польскому фанатизму, деятельность которых в достаточной мере выяснена, немедленно переводить или в центральные губернии с русским населением или же в Привиленский край. Второй мерой я считал бы нужным установить при Полицейских Управлениях Западного Края ведение послужных списков всех ксендзов губернии по примеру Управления Начальников Уездов Привиленского края, где и в настоящее время существует известное ограничение и надзор за католическим духовенством» [4, 23 – 23 об, 24].

Таким образом попытка ввести белорусский язык в римско-католическое богослужение потерпела неудачу. Власти пришли к выводу, что пропаганда польского влияния может вестись на каком угодно языке. В перевод службы на местный язык, с их точки зрения, только способствовал

бы росту этого влияния. Они предлагали взять римско-католическую церковь под строгий государственный контроль.

1. Письмо из Вильны в «Московские Ведомости» от 4 июля 1866г. // Вестник Западной России. Год 1У. 1865-1866 кн.Х1. т.1У №18 отдел IV.

2. Там же.

3. Размышления «Московских Ведомостей» по поводу письма из Вильны. // Вестник Западной России. Год 1У. 1865-1866 кн.Х1. т.1У №18 отдел IV.

4. Национальный архив Республики Беларусь. ф.295 оп. №1 ед.хр.7597.